

Серст Шерус

Калейдоскоп

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Серст Шерус Калейдоскоп

<https://litres.ru/74629373>

SelfPub; 2026

Аннотация

Любовь и одиночество, творчество и разлука, мистика и надежда, а также капелька сказки — все это грани одного узора. Каждый рассказ — это отдельное стеклышко, которое преломляет свет по-своему. Соберите их вместе, чтобы увидеть цельную картину — яркую, противоречивую и бесконечно живую.

Содержание

Бюро просроченных обязательств	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Серст Шерус Калейдоскоп

Бюро просроченных обязательств

- Ваши эмоции — это неустойка. Рекомендую погасить её молчанием, - проговорил Архас.

Метроном постукивал, напоминая: время не стоит на месте. Демон-куратор перебирал бумаги, раскладывая их тремя идеальными стопками — по степени просрочки. Его тень на стене делала это быстрее, чем он сам.

- Не хотите?

Демон-куратор протянул Сергею конфету в чёрном фантике. Такие же любит Ольга, и Архас прекрасно это знает.

Сергей отрицательно мотнул головой. Архас, пожав плечами, отправил конфету в рот.

- Вы не спаситель, запомните уже. Вы — напоминание о цене ошибок.

Архас протянул парню папку. Обычную: картонную, потёртую на углах. Никакой чёрной магии — только запах пыли и старых чернил.

Сергей покорно взял.

«Лина Вольская», — прочитал он на скоросшивателе. Имя было написано каллиграфическим почерком, каждая

буква — с нажимом, словно автор давил на перо сильнее, чем требовалось.

- На особый контроль! Идите, работайте. Завтра в это же время жду с докладом.

Сергей вышел, не оглядываясь.

Год назад наш герой сидел на скамейке. Он прихлёбывал кофе из стаканчика, не чувствуя вкуса, а осенний ветер крутил опавшие листья на тротуаре. Сестре поставили диагноз, цена лечения тоже была известна. Мысли крутились в голове, как листья.

«Подработать... Продать... Занять...

Не хватит... Откажут... Мало... ЧТО ДЕЛАТЬ?!»

Тикал незримый метроном.

Сергей сжал стаканчик так, что крышка с треском продавилась, и горячие капли обожгли пальцы. Он даже не вздрогнул.

- Душу бы продал... - зло бросил Сергей в пространство.

Коротко стриженная девушка в длинном чёрном плаще словно соткалась из ниоткуда. Постукивая каблуками сапожек, подошла к скамейке, протянула флаер, Сергей машинально взял. Девушка кивнула и удалилась, вихляя задом, стуча каблуками.

«Бюро просроченных обязательств, - сообщали белые буквы на чёрном фоне. – Если проблему можно решить деньгами, это не проблема, а всего лишь расходы.

Обращаться по адресу... Телефон...

При себе иметь паспорт и осознание цены вопроса».

Он хотел смять бумагу и выбросить, но почему-то сунул флаер во внутренний карман куртки.

Далее были подвальныйчик в «сталинке» (номер 15), серая лестница вниз, латунная табличка и дверь, открывшаяся прежде, чем Сергей вдавил пуговку звонка. Внутри пахло мастикой и сыростью.

- Садитесь. Договор уже готов.

Брюнетку в чёрном деловом костюме можно было бы назвать обворожительной, если бы она была не такой бледной, если бы её глаза хоть что-то выражали, и если бы её тень на стене не жила своей жизнью. Длинным пальчиком с тёмно-фиолетовым маникюром она показала, где подписаться, и Сергей охнул: ручка словно кольнула его незримым шипом. Капелька крови упала на бумагу, девица, ослабившись, выхватила договор. Пикнуло уведомление: нужная для оплаты лечения Ольги сумма поступила на счёт.

- Банк Маммоны держит высочайшую планку сервиса, - рекламным голосом заявила девица.

Пальцы дрожали. Сергей перечитывал цифры, будто они могли исчезнуть.

«Комиссия за оформление: 1 (одна) душа. Спишется автоматически», - дочитал он смску.

Брюнетка уже убирала договор в металлический ящик.

- Добро пожаловать в Бюро, — сказала она, не поднимая

глаз. — В установленный срок Вы получите уведомление о том, что мы в Вас нуждаемся.

Она щёлкнула ящиком. Задвижка лязгнула, как крышка гроба.

Солнце светило по-осеннему зябко — ярко, но без тепла. Ольга шла медленно, чуть припадая на левую ногу, и Сергей ловил себя на том, что бессознательно принаравливает свой шаг к её ритму. Сестра заметила — улыбнулась краешком губ, но ничего не сказала.

В парке пахло прелыми листьями и почему-то ванилью — то ли из соседнего киоска с кофе, то ли сама осень так выпендривалась.

- Ты молчишь с того момента, как мы вышли из подъезда, — сказала Ольга, не глядя на брата. — Это не похоже на тебя.

- Думаю, Оль.

- О чём?

Сергей улыбнулся.

- О том, как это хорошо, что ты поправляешься — в который раз соврал он.

Ольга остановилась. Села на скамейку — не ту, где он сидел с флаером, а другую, под старым клёном. Обвела взглядом аллею, будто проверяла, не подслушивает ли кто. Потом посмотрела на него. В упор.

- Серёж...

- Ммм?

- Деньги. Откуда?

Сергей сел рядом, слишком прямо. Сунул руки в карманы куртки. В левом кармане был старый чек из аптеки. В правом — пусто.

- Нашёл работу, — сказал он. — Хорошо платят. Удачное совпадение, а?

- Какую?

- Консультантом. Бюро одно. Так, юридические вопросы, то-сё. Обход санкций, короче.

Ольга молчала. Грызла губу — привычка с детства. Сергей знал: сейчас начнётся.

- Ты врёшь, — тихо сказала она. — Ты всегда фальшивишь, когда врёшь и пытаешься звучать убедительно. У тебя голос становится... стеклянным каким-то.

- Я не вру.

- Дай руку.

- Зачем?

- Дай, сказала.

Сергей протянул правую. Ольга взяла её, повертела, потом резко перевернула ладонью вверх. Осмотрела пальцы.

- Нет следов от инструментов, — сказала она, как хирург, зачитывающий диагноз. — Ты не грузчик. Не курьер. У тебя кожа чистая. И глаза... — она посмотрела вверх, ему в лицо. — У тебя глаза стали другие. Усталые. Не так, как после самой тяжёлой работы. Я помню глаза отца, когда мы были

совсем мелкие... У тебя не так. По-другому.

Она отпустила его руку.

- Я думала каждую ночь, Серёж. Пока лежала в палате. Откуда? Кто даёт такие деньги просто так?

- Работодатель...

- Не договаривай, — перебила Ольга. — Ты продал что-то. Или пообещал. Я права?

Тишина. Только листья шуршали по асфальту.

Сергей не мог смотреть на неё. Вместо этого уставился на клёны. Красно-жёлтые листья, словно цитата из песни Цоя. Всё как в тот день, когда он сидел на скамейке: те же цвета, тот же холод в пальцах.

- Не волнуйся, Оль, тебе вредно, — сказал он наконец. — Всё будет хорошо.

- Серёж...

- Оль, я разберусь. Это просто работа. Не криминал.

Она вздохнула. Достала из кармана пальто конфету в чёрном фантике. Те самые, которые он ей приносил в больницу. Купил тогда в супермаркете, потому что она любила их с детства, а он не знал, чем ещё подбодрить.

- Хочешь? — спросила она, протягивая.

- Не люблю сладкое.

- Ты его раньше любил.

- Разлюбил.

Ольга пожала плечами, развернула конфету, отправила в рот. Сергей вздрогнул.

- Что? — спросила сестра.

- Ничего. Показалось.

Сергей бережно провёл рукой по её волосам, убрал выбившуюся прядь..

- Пойдём, — сказал он, не оборачиваясь. — Ветрено.

Ольга встала, поправила пальто — длинное, вишнёвого цвета, как её глаза. Подошла к брату, взяла под руку. Мягко сдавила его локоть.

- Серый... Братик... Ты знаешь, — тихо сказала она. — Ты можешь мне всё рассказать. Я не сломаюсь. Я уже не сломаюсь.

- Знаю, — ответил Сергей. — Мы обязательно поговорим, Олюшка. Потом. Когда окрепнешь.

Кабинет Сергея находился в дальнем конце подвала, за дверью с табличкой «Отдел полевой работы. Посторонним вход не воспрещён — всё равно не уйти».

Внутри было тесно. Тысячи дел о душах громоздились на стеллажах, на подоконнике, на полу, на единственном стуле, который Сергей предусмотрительно освободил и перетащил к себе в угол. Папки были разные: новые — хрустящие, с острыми уголками; старые — пыльные, с выцветшими корешками; и совсем древние — перевязанные бечёвкой, с каплями сургуча, похожими на засохшую кровь.

Сергей так и не понял систему хранения — если она вообще существовала. Как бы то ни было, папки терялись: регу-

лярно, массово, с издевательской закономерностью.

- Седов! — раздался голос из-за стены: тонкий, скрипучий, похожий на звук несмазанной телеги. — Где дело № 444-Г? Я его час назад на твой стол положил!

Сергей оглядел свой стол.

Завалы бумаги, пустая кружка, прошлогодний календарь с видом на седьмой круг ада (подарок Архаса на Вальпургиеву ночь) и канцелярская крыса — маленькая, серая, с длинными зубами, которая выбегала из-под стеллажей и таскала договоры в свою нору. Сергей подозревал, что крыса — тоже сотрудник. Или стукач Архаса.

- Не вижу, — крикнул Сергей в ответ.

- А ты посмотри!

- Я посмотрел.

- Под столом!

Сергей наклонился. Под столом лежали три пустых папки, семь скрепок, жвачка, прилипшая к полу год назад, судя по слою пыли, и чей-то зуб. Коренной и явно не человеческий. Дела № 444-Г среди всех этих сокровищ не было.

- Нет!

Из-за стены донёсся звук, похожий на скрежет металла о бетон. Демон по ту сторону перегородки — низший (ветераны Бюро утверждали, что он и не демон вовсе, а проштрафившийся родовой бес, приятель куратора), с шумерским именем, которое никто не мог выговорить, поэтому все звали его просто «Товарищ Учётчик» — выражал недовольство.

- Восстанавливать придётся! — заорал Товарищ Учётчик.
— Опять! Третье за неделю!
- Не моя вина.
- Твоя, Седов! Ты — полевая единица! Полевые единицы таскают дела! Дела теряются! Вывод — ты виноват! Логика, Аристотель.

Сергей потёр переносицу.

В Бюро просроченных обязательств царила железная логика: если что-то пошло не так, виноват тот, кто последним прикоснулся к документу. А Сергей прикасался ко всему. Потому что его работа — приносить папки. А папки любили теряться.

Архас, разумеется, знал об этом хаосе. И ничего не менял.
«Хаос, — говорил он, — это не баг, а фича. Пока вы ищите дела, вы не думаете о побеге. И каждого из вас можно законно наказать в любой момент».

Иногда Сергею казалось, что папки теряются не случайно. Что их ворует та самая тень со стены — или кто-то похуже. Он даже пытался однажды проследить, но забрёл в архивный коридор, который на следующий день... исчез. Вместе с дверью.

С тех пор он не искал правду. Он просто восстанавливал.
- Седов! — снова заорал за стеной Товарищ Учётчик. — Я кому сказал! Восстанавливай! Бланк 12-Б в третьем ящике!
В ящике вместо бланка лежал одинокий гримуар Гонория со следами кофе. Древняя книга заклинаний, которой, по

идеи, могли бы позавидовать маги всего мира, валялась здесь в качестве подставки под кружки, потому что её содержимое давно устарело — современные договоры составлялись куда более изощрённо, а сикилы заменили на ЭЦП.

Сергей закрыл ящик.

- Бланка нет! — крикнул он.

Тишина. Потом — звук, похожий на то, как если бы кто-то скинул стеллаж с четырнадцатью папками.

- НЕНАВИЖУ ЭТУ КОНТОРУ! — заорал Товарищ Учётчик.

В кабинет вошла Елена, архивариус Бюро. Ярко-синий свитер на размер больше, волосы собраны в простой «конский хвост», под глазами — тени. Левая рука в тонкой чёрной перчатке держала папку.

- В туалете нашла.

Она протянула Сергею злосчастное дело № 444-Г.

Сергей взял папку, проверил содержимое. Все бумаги были на месте, даже скрепки не украли.

- Спасибо, Лен. Кто читает дела о душах в туалете?!

- У нас странные люди работают, Седов. Не заметил?

Она улыбнулась — уголком губ, быстро, так, что Сергей почти пропустил это движение — и вышла. Каблуки стучали по бетонному полу. Стук — пауза — стук.

За стеной Товарищ Учётчик всё ещё бушевал, но голос постепенно стихал — то ли демон успокоился, то ли его отвлекли более срочные потери.

- Несу, несу, - крикнул Сергей. - Нашлось.

Елена раньше работала в крупной компании. Период, когда она подавала надежды, быстро сменился их воплощением. Следом пришли должность, приличная зарплата, новые перспективы. И начальник, который решил, что «перспективы» касаются не только карьеры.

Она отказывала. Писала заявления в головной офис. Жаловалась в HR.

Её переводили в смежный отдел, потом в другой. Следом понизили. Затем начали собирать компромат — опоздания, ошибки в отчётах, «нарушения корпоративной этики».

Тот начальник остался. Менялись только сотрудницы, на которых он обращал внимание. Лена видела их глаза и слышала их плач.

На очередной «разговор» с призывами «проявить гибкость» Елена пришла с заполненным заявлением об увольнении. Его подписали не глядя.

«Хватит», — сказала она себе.

Умывшись холодной водой в туалете, Елена решила, что это не мат, и даже не шах — это гамбит. Она ещё напомним о себе — и о других.

Флаер сам себе вполз ей в руку в супермаркете из корзины с покупками. Серый, неприметный, он напоминал рекламу юридических услуг.

Архас принял её лично. Ярость и потенциал женщины демон оценил, даже не выходя из кабинета. Слушал молча, не перебивал. Когда она закончила, спросил:

- Чего Вы хотите, Елена?

- Чтобы он заплатил.

- Деньгами? Так наймите бандитов. Обвините его в изнасиловании. Разрушите репутацию. Есть соцсети, пресса, блогеры...

Елена мотнула головой.

- Нет. Я хочу, чтобы он чувствовал то же, что чувствовали они. Страх. Беспомощность. Отвращение к себе. Унижение. Каждую минуту. До конца его жизни.

Архас помолчал. Потом достал договор.

- Это стоит дорого, — сказал он. — Платить будете не деньгами и не сексом.

- Мне всё равно.

- Вы отдаёте не тело, Елена. И не разум. Вы отдаёте право на тишину. Он будет мучиться — но вы будете слышать его мысли. Каждый день. Каждую ночь. Вы будете знать, что он чувствует - даже когда захотите забыть. Даже если простите.

Елена взяла ручку.

- Где подписать?

Капля крови упала на бумагу.

Начальник окончательно сошёл с ума через три месяца. Не буйно — тихо. Он начал видеть лица тех, кому сделал больно, слышать их голоса. Его увезли прямо с совещания.

Сейчас он живёт в Москве, лечится в специализированной клинике, но врачи говорят, что рецидивы неизбежны.

Елена получила желаемое, но цена оказалась выше, чем она представляла.

- Это не месть, — сказала она как-то Сергею. — Это приговор нам двоим. Просто его посадили в клетку, а меня поставили смотреть.

Сергей обратил на неё внимание, увидев однажды, как Елена, сняв в кабинетике пальто и переобувшись, оставила на руке левую перчатку. В тот день у него было ночное дежурство в Бюро, и около полуночи Лена зашла с крошечными дорожными шахматами.

- Умеешь? Надоело с собой играть. Тоже дежурю.

- Немного...

Он поставил ей шах, но через два хода получил мат. Лена хмыкнула.

- Недурно для начала.

- У тебя что-то с рукой? — наконец, решился Сергей. — Перчатка... Извини, это, конечно же, не моё дело...

Лена пожала плечами.

- Гляди.

На левом запястье, чуть выше того места, где обычно бьётся пульс, темнело выжженное имя. Мужское. Буквы были неровными, словно их выводили раскалённым клеймом, но кожа давно затянула шрам

- Больно?.. — выдохнул ошеломлённый Сергей.

Ему захотелось накрыть правую руку Елены своей ладонью, но тогда он сдержался.

- Нет. Просто проступило в своё время. Как напоминание. Немного нагревается, когда ему плохо.

- Кто он?

Елена коротко пересказала свою историю. Канцелярская крыса в углу пискнула и сиганула в нору.

- Побегала доносить Архасу, - сказала Лена.

Она натянула перчатку обратно. Поправила край, закрывающая шрам.

- Тебе не жалко? — спросил Сергей. — Ну, что так вышло?

- Жалко? — Лена задумалась. — Нет. Жалко — это когда ты случайно разбил чужую чашку, а это был мой выбор. Просто я не осознала тогда, что выбираю не только его ад, но и своё дежурство у этой двери.

Она кивнула на шахматы.

- Ещё партию?

Сергей кивнул.

Они сыграли ещё три. Две из них выиграла Елена. Одну — он.

Отныне все сообщения демона-куратора Сергею имели приписку: «Передайте привет Елене».

Сергей не знал, но каждое дело в Бюро просроченных обязательств имело дубликат наверху.

Не в прямом смысле «на небе» — скорее в серой зоне, где заканчивается юрисдикция ада, и начинается Чья-то ещё. Там, в облезлом офисе с выцветшими голубыми стенами сидели они.

Ангелы отдела оспаривания Небесной канцелярии.

Их рабочее место выглядело почти так же уныло, как у Сергея. Те же стеллажи с папками. Та же текучка. Те же потерянные и восстановленные дела. Только вместо запаха сырости с токами серы — аромат ладана, свечного воска и старого кофе. И вместо демонов — стандартно-прекрасные белокурые существа в идеально выглаженных кипенно-белых рубашках или блузках. Все они слишком долго молчали, прежде чем ответить.

Ведущий специалист Азазиил (не путать с падшим демоном пустыни — обычный ангел третьего ранга, просто с именем не повезло), сидел за столом и перебирал жалобы. У него были усталые глаза, крылья, сложенные за спиной так плотно, что их почти не было видно, и привычка постукивать пером по столу.

Тик-так-тик-так.

- Сто тридцать четвёртая жалоба на этой неделе, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь. — А неделя только началась. Понедельник.

Напротив сидел стажёр — ангелочек с круглым лицом и

горящими глазами. Такие долго не держатся - слишком верят в справедливость. Уходят к Михаилу - махать огненным клинком.

- Почему мы просто не аннулируем все договоры разом? — спросил стажёр. — У нас же есть право. Вернее, у...

- Право есть. — Азазиил потёр переносицу, — а ресурсов нет. На каждый договор нужна отдельная комиссия. Три независимых эксперта. Заключение отдела этики. И подпись архивариуса, который в отпуске уже двести лет.

- Но это же несправедливо!

Азазиил посмотрел на стажёра с той тоской, которая бывает у преподавателей, объясняющих первокурсникам, почему Земля не плоская.

- Добро пожаловать в Небесную канцелярию, — сказал он. — Несправедливость — это наша работа. Мы оспариваем договоры. Мы не расторгаем их по щелчку. Есть такая вещь, как небесный строй и порядок. Свободная воля людей, опять-таки.

Он достал из стопки верхнюю папку. «Седов Сергей Юрьевич» — было написано на обложке.

- Вот, — сказал Азазиил, кинув папку стажёру. — Свежий случай. Подписал договор под влиянием эмоционального стресса. Сестра больна, диагноз тяжёлый... Налицо все признаки кабальной сделки — статья 14, пункт «б».

Стажёр жадно раскрыл папку.

- Мы можем оспорить! — воскликнул он. — Давление на уязвимую категорию!

- Можем, — кивнул Азазиил. — Если докажем, что он не осознавал последствия. Но в договоре есть пункт 7 — о том, что «осознание цены вопроса» подтверждено подписью. И есть капля крови. Кровь, стажёр. Её не подделаешь. ДНК.

- Но это... это же... — стажёр замялся.

- Это бюрократия, — закончил Азазиил. — А бюрократия — единственная сила, которую признают и ад, и рай. Мы можем оспаривать - ад может возражать. Потом мы подаём апелляцию, ад — встречную. Потом дело идёт наверх, где заседают сущности, которые старше всех нас.

Азазиил взял со стола конфету. Белый фантик. Никаких надписей.

- Процесс занимает в среднем сто сорок лет, — сказал он, разворачивая. — За это время должник либо умирает и окончательно переходит под юрисдикцию ада, либо... ну, ты понял.

- Отрабатывает?

- Именно. К моменту решения суда долг уже погашен. Но иск теряет смысл.

Он отправил конфету в рот. Раскусил. Хрустнуло тихо, без надрыва.

- Так зачем мы тогда вообще этим занимаемся? — спросил стажёр.

Азазиил посмотрел на окно. За стеклом была не муть, как

у Архаса, а бесконечная белизна — чистая, стерильная, пу-
стая.

- Затем, — сказал он тихо, — что если не оспаривать, то
ад победит по умолчанию. А мы не имеем права не пытаться.

Он перевернул папку «Седов Сергей» и поставил штамп:
«К рассмотрению. Очередь — 12 847».

- Иди, — сказал он стажёру. — Разбери лучше вот это
дело. Алина «Лина» Вольская. Вдова, трое детей. Купила
дар певицы в обмен на транслирование ценностей ада через
своё творчество. Формально — добровольно, но... короче,
посмотри сам. Насколько я знаю, она предпринимает актив-
ные действия, чтобы расторгнуть договор... В общем, жду с
полным докладом утром.

Стажёр взял папку и ушёл, шаркая стоптанными сандали-
ями.

Кабинет Сергея погрузился в тяжелую тишину, нарушае-
мую лишь жужжанием люминесцентной лампы и шорохом
канцелярской крысы, перебирающей бумаги в своем гнезде.
Товарищ Учётчик, наконец, затих за стеной — наверняка ре-
шал свои любимые sudoku.

Сергей сидел за столом. Перед ним лежало дело Лины
Вольской и чистый бланк постановления. Он смотрел на
имя, написанное каллиграфическим почерком Архаса на
скоросшивателе.

Пальцы не слушались. Он взял ручку — ту самую, с незри-

мым шипом. Она привычно кольнула подушечку указательного пальца. Ни крови, ни боли — просто напоминание.

- Седов! — донеслось из-за стены, но уже тише. — Ты там живой?

- Работаю, — отозвался Сергей.

Он открыл папку. Фотография. Женщина лет сорока с открытым лицом и каштановыми волосами. Стрижка-каре. Глаза, в которых нет дна — только усталость и что-то еще, похожее на вызов.

«Алина Ивановна Вольская, 38 лет. Договор № В-17. Предмет: талант, сценическое мастерство, голос. Оплата: транслирование инфернальных ценностей через творчество. Неустойка: право голоса (полное изъятие при нарушении пункта 7.2). Нарушение: отказ от исполнения обязательств».

Сергей перечитал легендарный пункт 8 про давление.

«Заёмщик подтверждает, что не испытывает давления (морального, физического, психологического) и добровольно принимает условия Договора. Артериальное давление не является основанием для признания договора недействительным».

В Бюро просроченных обязательств ходили легенды о некоторых делах. Одно из них — Дело № 000-АБ — сотрудники обсуждали шёпотом, в курилке (которая на поверку оказалась просто задымлённой комнатой без окон, где можно было выдохнуть серу и пожаловаться на жизнь).

Виктор Кауфман, коллекционер, искусствовед, а по совместительству — редкий мерзавец. Он не убивал. Не насиловал. Не мошенничал. Он делал нечто похуже: скупал души умирающих стариков за копейки.

Схема была простая, циничная и абсолютно законная (с точки зрения как ада, так и небес). Кауфман находил одиноких пенсионеров без родственников, предлагал им «комфортную старость» в обмен на подпись под договором дарения. Что именно дарил старик — в договоре было прописано мелким шрифтом. Собственную душу. Кауфман перепродавал эти договоры мелким демонам-посредникам с наценкой 400%.

К моменту, когда Бюро заинтересовалось Кауфманом, на его счету было тридцать семь душ. Тридцать семь стариков, которые подписались, потому что боялись холода и голода. Тридцать семь имён в папках.

- Мерзавец, — сказал тогда Товарищ Учётчик, рассматривая дело. — Редкий. Даже у нас таких мало.

- Отрабатывает, — пожал плечами Архас. — Долг есть долг. Кауфман в лихие девяностые попал под пресс уральских братков и продал Бюро душу в обмен на адскую крышу.

Торговцу стариками выставили счёт: тридцать семь человеческих жизней в качестве неустойки. Он должен был за месяц привести в Бюро тридцать семь новых должников — или отправиться в котёл с кипящим маслом.

Кауфман, разумеется, не согласился. Он нанял адвоката.

Не обычного — небесного лицензиата, античного даймона по имени Ксавьер, знавшего наизусть Дигесты Юстиниана.

И тут случилось то, что никто не ожидал.

В суде высшей инстанции Ксавьер, елеино улыбаясь, достал из-под адвокатской мантии договор Кауфмана и зачитал вслух:

- «Заёмщик подтверждает, что не испытывает давления и добровольно принимает условия Договора».

- Вот именно, - сухо бросил Архас, лично представлявший в тот день Бюро.

Из-под мантии выбрался на свет другой листок бумаги с подписью и печатью.

- Уважаемый суд, это выписка из амбулаторной карты моего доверителя. На момент заключения договора с Бюро он страдал гипертонией и, соответственно, испытывал повышенное кровяное давление. Требую признать договор незаключённым. Ознакомьтесь, пожалуйста.

Архас в этот момент испытал примерно то же, что и при своём падении с небес. Он открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

- Давление, — повторил он ледяным тоном, — в контексте договора означает давление моральное. Психологическое. Или физическое. Принуждение, уважаемый суд. А не показания тонометра.

- В договоре, — мягко возразил Ксавьер, — это не уточнено. А в юридическом тексте любая неоднозначность трак-

туется в пользу заёмщика. Это, если позволите, азы.

Судья — древняя сущность, которая помнила ещё подписание первого договора о переделе Земли — помолчала, посмотрела на Архаса, потом на Ксавьера, потом на выписку из карты.

- Решение, — сказала она. — Договор признать незаконным в связи с нарушением пункта 8. Бюро просроченных обязательств не имеет права предъявлять претензии к гражданину Кауфману. Процессуальные издержки подлежат возмещению за счёт Бюро.

Кауфман был свободен. Жить ему оставалось всего ничего, но теоретически он мог раскаяться и замолить грехи. Ксавьеру пришлось заплатить и щедро заплатить, чтобы он хотя бы год не трубил о своей победе. Весь личный состав Бюро был мобилизован на подписание дополнительных соглашений с заёмщиками. В каждый договор добавили уточнение: «Артериальное давление не является основанием для признания договора недействительным».

Архас с тех пор при виде медицинских карт мрачнел. А в курилке Бюро любой ляп начальства с тех пор называли «гипертонией».

«Лицо хорошего человека, которому плохо, — подумал Сергей. — Она отказалась петь. Потому что поняла, как влияют её песни на людей».

Он закрыл папку и посмотрел на чистый бланк постанов-

ления.

Стандартная формулировка — в Бюро всё было стандартным, даже принудительное изъятие души. «В связи с неисполнением договорных обязательств, руководствуясь статьей 14.2 Кодекса просроченных обязательств, полевая единица_____постановляет: начать принудительное взыскание долга с граждан_____».

Сергей вывел дописал «ки» и вывел первую букву. «В». Ручка замерла.

Он вспомнил Архаса. Его слова: «Вы не спаситель. Вы — напоминание о цене». Вспомнил Ольгу, которая теперь могла ходить, хотя и припадая на левую ногу. Вспомнил тот день на скамейке, осенний ветер, листья и рекламный флаер, который он почему-то не выбросил.

«Душу бы продал...» Провал. Теперь очередь других.

Он дописал слово «Вольской».

- Седов! — снова раздалось из-за стены. — Ты на участок вообще собираешься сегодня?

- Печатаю постановление, — ответил Сергей и скривился от собственного голоса — стеклянного, чужого.

«Если проблему можно решить деньгами, это не проблема, а всего лишь расходы», — всплыла в голове строчка с флаера. А если проблему нельзя решить деньгами? Если проблема — это ты сам и сделка, которую заключил?

Он вставил бланк в старенький матричный принтер. Тот застрекотал, оживая с неохотой, как демон, которого оторва-

ли от важного дела. Иглы ударяли по красящей ленте, выбирая буквы, по одной.

«Приступая к принудительному взысканию, сотрудник Бюро обязан изъять у должника предмет залога, — прочитал Сергей напечатанный текст. — В настоящем случае: голос».

Сергей представил, как это будет выглядеть. Встреча. Короткий разговор. Он протягивает постановление. А потом — тишина. Лина открывает рот, пытается что-то сказать, но звука нет. Просто беззвучное шевеление губ. И глаза, которые сначала не верят, потом ненавидят, потом гаснут.

Он отодвинул бумагу.

- Седов! — Товарищ Учётчик перешёл на ультразвук. — Ты русского языка не знаешь? По-енохиански сказать?!

- Да иду я!

Сергей достал телефон. Новое сообщение от неизвестного номера. Вернее, не совсем неизвестного — Архас не скрывался, он просто не любил, когда ему писали в ответ.

«Вольская живёт на окраине, в старом доме. Адрес прилагается. Не затягивайте. Три дня по закону – и всё. P.S. Передавайте привет Елене»

Сергей сжал телефон так, что пластик захрустел.

Он знал, что Архас знает. Всё знает: про Елену, про их разговоры, про руку, которую он всё же накрыл своей.

Он сунул постановление в папку, папку — в рюкзак, рюкзак повесил на плечо. Крыса проводила его внимательным взглядом.

- Чего уставилась? — спросил Сергей. — Ступай, доноси.
Крыса чихнула и юркнула в нору.

В коридоре было темно и пахло сыростью. Лампочка под потолком мигала, как умирающий светляк. Сергей прошёл мимо двери с табличкой «Посторонним вход не воспрещён — всё равно не уйти» - и направился к выходу.

Навстречу попалась Елена. Она несла стопку новых дел — свежих, хрустящих, с острыми уголками.

- Ты куда? — спросила она.

- На участок, — ответил Сергей.

Она посмотрела на рюкзак, на его лицо, на руки — и всё поняла.

- Вольская?

- Ага.

- Тяжёлый случай?

- Все случаи тяжёлые, Лен. Просто одни уже смирились, а другие ещё нет.

Она хотела что-то сказать, но промолчала. Только прикоснулась пальцами к его локтю — легче ветра, быстрее мысли. В тёмном коридоре словно загорелась свечка.

- Возвращайся, — сказала она.

- Я всегда возвращаюсь.

Он вышел на улицу. Осенний воздух ударил в лицо — холодный, свежий, настоящий. Город жил своей жизнью, не зная, что рядом, под землёй, в подвале сталинки, сидят демоны и перебирают папки с душами.

Сергей поймал такси. Назвал адрес.

«Лина Вольская», — повторил он про себя. — Прости, но у меня нет выбора. Есть Ольга. Есть Лена, которую моя симпатия сделала заложницей Архаса».

Алина Тимушева не мечтала о карьере. Она окончила музыкальное училище по классу фортепиано — «на всякий случай, чтобы было». Вышла замуж за Игоря Вольского, бизнесмена средней руки. Не олигарха, но достаточно успешного, чтобы она могла не работать и растить детей.

Их было трое. Две девочки и мальчик. Светленькие, в отца. Игорь обожал их всех.

Гибель Игоря была дурацкой: поход в горы, сорвавшаяся страховка, ущелье. Тело искали три бессонных для женщины дня.

После похорон оказалось, что бизнес Игоря держался на нём одном. Партнёры быстро смекнули, что безутешная вдова с тремя детьми не боец. Однажды Алину вызвали в казённое здание, где в комнате без окон корректный мужчина в костюме с галстуком обрисовал ей будущее: уступка её доли в компании мужа или...

Он перечислил список ближайших женских колоний.

- За что? – прошептала Алина.

- Это наша работа, - ласково ответил человек в костюме, запирая дверь. - Мы найдём, не переживайте.

Через полчаса он же привёз оцепеневшую, заплаканную

Алину к нотариусу.

Доля ушла за бесценок. Дом был в ипотеке. Ещё кредит за машину. Счёт, на котором лежали небольшие сбережения, опустел за три месяца.

Флаер в почтовом ящике был розовым — специально для женщин, как решили в маркетинговом отделе Бюро.

«Бюро просроченных обязательств. Если проблему можно решить деньгами, это не проблема, а всего лишь расходы...»

Алина позвонила, когда в холодильнике остались только две морковки и детское пюре. Она не плакала. Просто набрала номер.

- Алло, — сказал голос в трубке (женский, скучающий).
— Бюро слушает.

- Мне нужны деньги, — сказала Алина. — Быстро и много. Иначе моим детям будет нечего есть.

- Это к нам.

Кабинет пах сыростью, серой и старыми бумагами. Демон-куратор сидел за столом, перебирая папки; жестом он предложил сесть. Архас протянул Алине конфетку. Та вежливо взяла, но есть не стала. Убрала в карман, чтобы угостить дома детишек.

- Вы музыкальны? – спросил демон.

- Закончила музучилище. Но это было так давно...

- Время – лишь иллюзия трёхмерного мира. У Вас хороший голос, мы его немного улучшим. Дадим музыкантов,

продюсера. Поэта, настоящего, который обеспечит Вас репертуаром. Стилиста и костюмера. Контракты с лейблами и радиостанциями. Люди будут слушать Вас и терять себя. Вы станете популярной, деньги потекут рекой. А взамен Вы будете просто петь. Хорошо, красиво, талантливо, вживую. Каждый раз, когда мы скажем, и то, что мы скажем.

Алина остолбенела.

- Вы...серьёзно?..

- Совершенно.

Женщина горько усмехнулась.

- Я всё понимаю. Не вчера родилась. Научили...

Она расстегнула кардиган, затем пуговицу на брюках.

- Только закройте дверь...

Архас сделал протестующий жест. Его лицо, обычно бесстрастное, на секунду исказилось — то ли брезгливостью, то ли чем-то, отдалённо похожим на усталость от человеческих предположений.

- Вот давайте без этого, Алина Ивановна. Я насытился ещё в Вавилоне. Застегнитесь. Мне нужны твёрдые гарантии, а не секс.

- Какие? — спросила она тихо.

- Залог.

- Квартира, машина?..

- Ваш голос.

Архас подсунул договор. Обычные листы, скреплённые степлером. Никакой крови, никаких пентаграмм. Только

текст, мелким шрифтом, и место для подписи.

Алина взяла ручку.

- Вы прочитали? — спросил Архас.

- А смысл? — ответила она. — У меня нет выбора. Завтра дети проснутся...

Она подписала. Даже не читала мелкий шрифт. Капля крови упала на бумагу. Пикнуло уведомление.

- Это Вам на первое время, - сказал демон. — Приведите себя в порядок.

Алина смотрела на цифры и думала: «Дети будут есть. Остальное потом».

Сергей поднялся на третий этаж без лифта — в подъезде пахло кошками и дешёвым куревом. Дверь была старой, филенчатой, с облупившейся краской. Звонок не работал. Он постучал.

Открыла женщина.

Сергей ожидал увидеть кого угодно — затравленную должника, истеричку, циничную стерву на каблуках, — но не это.

На пороге стояла Лина Вольская.

То самое каштановое каре. Бледное лицо, под глазами — лиловые тени, словно она не спала несколько суток. Губы сжаты в тонкую линию. И взгляд — усталый, но спокойный. Не смирившийся, а просто переживший слишком многое, чтобы бояться.

Но страннее всего была одежда.

Элитная идеально белая водолазка из чистого кашемира (в квартире было прохладно) — мягкая, дорогая, явно не из бюджетного ТРЦ. Она сидела на ней как влитая, подчёркивая плечи и линию шеи. Вещь, которая стоила несколько зарплат обычного человека.

А снизу — заношенные лосины-треники, выцветшие на коленях, в катышках. Такие надевают, когда никто не видит. Когда нужно бежать за ребёнком, или сидеть на корточках, собирая рассыпанные игрушки и фломастеры, или чистить картошку.

Весь образ кричал о разрыве: верх — из прошлой, богатой жизни; низ — из нынешней, измотанной.

- Вы за мной? — спросила Лина, не дожидаясь, пока он представится.

Сергей кивнул.

— Я знала, что Вы придёте, — сказала она и отступила в глубь коридора. — Только прошу... Не при детях. Они в комнате, смотрят мультики.

Сергей вошёл.

Квартира была маленькой — хрущёвка на окраине, где всё на своих местах, но чувствуется, что вещи здесь старше хозяев. На стенах — детские рисунки. На холодильнике — магниты с городами, где она, вероятно, выступала. На полке — фотография мужчины в горной экипировке.

Лина провела его на кухню. Из-за закрытой двери доносились голоса персонажей мультфильмов и детский смех.

- Чаю? — спросила она, уже ставя чайник.

- Нет, спасибо.

- А я выпью.

Сергей сел на табурет. Оглядел кухню: чисто, бедно, аккуратно. На столе — детские рисунки, пачка дешёвого печенья, пузырёк с витаминами.

- Почему Вы перестали петь, Алина Ивановна? — спросил он.

Лина поставила чайник. Медленно повернулась.

Лицо её изменилось — усталость ушла, сменившись чем-то жёстким, почти страшным.

- Почему... — сказала она, и голос её задрожал, но не от слабости. — А вот почему.

Она сжала край стола. Пальцы побелели.

- Я лучше буду работать продавщицей. Подавальщицей в кафе. Мыть полы. Ухаживать за старпёрами в богадельне, выносить их дерьмо. Да на панель лучше встану, чем это!

Сергей молчал.

- Вы получали письма, — спросила Лина, глядя на него в упор, — матерей и отцов, которые проклинаят Вас? За то, что их дети, слушая Ваши песни, сели на иглу? Начали мучить и убивать животных? Гадить в церквях?

Она перевела дыхание.

- За то, что девушка пришла после концерта на тусов-

ку, где её пустили по кругу семеро парней, бывших на этом же концерте. Мне писали, что я своим ртом изрыгаю в мир смерть и разврат.

Её голос сорвался.

- Получать такое и знать, что всё это — чистая правда.

Она замолчала. На кухне стало тихо — только детский смех из-за двери и бульканье закипающего чайника.

Лина отвернулась к окну, к серому осеннему небу.

-Я думала, что спасаю детей. А оказалось, что убиваю чужих.

Она помолчала.

- Так что забирайте. Голос. Всё забирайте. Я больше не буду петь. Никогда. Даже если вы меня заставите. Чтобы выжимать тряпку, голос не нужен.

Сергей достал из рюкзака постановление, положил на стол.

- У вас есть три дня, — сказал он. — По закону. Распишитесь.

Лина не взглянула на бумагу. Поставила закорючку.

- Спасибо, — сказала она.

Сергей понял, что она благодарит не за отсрочку, а за то, что он не стал вести этот разговор при детях.

- Вы можете позвонить, — сказал он, встав. — Если... не знаю. Если что. Телефон там указан.

Лина кивнула, но не ответила. Сергей пошёл к выходу.

- Я всё отдам. Деньгами. Отработаю. Дайте время! - возмо-

лилась Вольская.

Сергей закрыл дверь.

- Вы выглядите плохо, Седов, — сказал демон-куратор. — Вам нездоровится?

- У неё трое детей, — говорит Сергей.

- Знаю.

- Её запугали и обобрали.

- Знаю. Представляете, она в моём кабинете почти спустила штаны. Умора! Думала, мне нужно это. Наверное, после того кабинета у неё выработался рефлекс. Можете проверить, она не будет жаловаться.

- Неужели нельзя...

- Седов, — Архас откинулся на спинку стула, — договор есть договор. И если мы начнём прощать долги ради детей...

Он развёл руками.

. - Где мы остановимся? У кого нет детей? А если их пятеро? А если они болеют?

Он достал конфету в чёрном фантике, положил на стол.

- Пра-ви-ла, Седов. Без правил — хаос. И такой хаос — уже баг, а не фича. У нас не анархия. «Князь мира сего», помните? Идите работать. Долги не ждут. Думайте лучше об Ольге — и передайте привет прекрасной Елене. Её бывшего шефа сегодня госпитализировали после припадка. Говорят, орал всю ночь, звал на помощь.

Мариэль - тот самый стажёр с круглым лицом и горящими глазами - сидел в самом дальнем углу архива, за столом, который помнил ещё Средние века. Стеллажи уходили вверх, насколько хватало глаз, теряясь в белесой дымке. Вместо ламп здесь горели свечи памяти — толстые, восковые, с фитилями, которые никогда не догорали.

Он положил на стол нетолстую папку, переданную ему Азатилом. Дело Алины Вольской. Открыл её.

На первой странице — копия договора. Новая форма, пункт 8 с уточнением. Внизу — торопливая подпись Алины и капля крови.

- Красиво, — пробормотал он. — Чисто, юридически безупречно, по-адски мерзко.

Листнул дальше. Показаний свидетелей и медицинских заключений в деле не имелось.

Первое письмо. Мать девочки, кинувшейся после концерта с ножом на учительницу.

Второе. Отец парня, севшего на иглу.

Третье. Муж женщины, которая после выступления Лины бросила мужа и детей и ушла в секту.

Письма шли одно за другим. Чем дальше, тем страшнее.

- Как она это выдерживала? — спросил Мариэль вслух.

- Кто? — раздался голос из-за стеллажа.

Мариэль вздрогнул. Из-за угла вышел пожилой ангел в очках с толстыми линзами — Задкиил, архивариус, который помнил ещё Потоп.

- Никто, — быстро сказал Мариэль, закрывая папку. — Я просто... размышлял.

- Над чем?

- Над тем, — Мариэль на секунду замер, собираясь с мыслями, — почему мы не можем просто аннулировать договоры, которые причиняют боль.

Задкиил снял очки, протёр их краем белоснежной мантии.

- Потому что это не наша работа, Мариэль, — сказал он устало. — Наша работа — рассмотреть жалобу с формальной точки зрения. А решение принимает Суд.

- Но Суд завален делами. Очередь — тысячи лет.

- И что ты предлагаешь? — Задкиил надел очки обратно. — Устроить революцию? Сжечь все договоры? Тогда воцарится хаос. А хаос, Мариэль...

- В этом с нами согласны даже демоны, — закончил Мариэль горько.

- Именно. — Архивариус кивнул. — *Demon est Deus inversus*¹. Архас прав в одном: без правил мир рухнет. Даже если правила несовершенны.

Он ушёл так же бесшумно, как появился. Мариэль выдохнул, провёл ладонью по лицу, снова открыл папку — и замер.

В ней соткалось из воздуха новое постановление. Прямо на глазах, строчка за строчкой, как если бы кто-то невиди-

¹ Демон есть перевёрнутый Бог (лат.).

мый печатал через копирку.

«...начать принудительное взыскание долга с гражданки Вольской... Полевая единица Седов Сергей...»

Стоп!

Он помнит это имя. Откуда? Аааа, точно, ещё одна папка в кабинете Азазила! У него ещё сестра заболела, поэтому душу и продал.

Мариэль задумался. Как ангел, он твёрдо знал: никаких случайностей и совпадений в мире не бывает. А значит, это шанс! И он обязан его использовать.

Стажёр схватил папку Вольской, рванул из архива, расправил крылья - и пулей ринулся вниз, в мир людей.

Осенний вечер опустился на город рано, как будто торопился укрыть темнотой то, что при свете выглядело слишком жалко. Сергей шёл пешком — не потому, что не было денег на такси, а потому, что нужно было пройтись. Переварить сегодняшний день.

Ольга. Елена. Алина. Три имени стучали в голове в такт шагам.

Ольга — дома, наверное, уже заварила чай и смотрит дурацкий сериал, делая вид, что не ждёт его. Сестра, ради которой он продал душу. Которая теперь поправляется, ходит медленно, припадая на левую ногу, и задаёт вопросы, на которые у него нет ответов.

«Ты продал что-то. Или пообещал. Я права?» Права, Оль.

Как всегда. Ты младше, умнее и лучше меня.

Елена — там, в подвале Бюро, наверное, всё ещё сидит в архиве, перебирает чужие папки, прячет левую руку в перчатке. Елена, которая принесла ему злосчастное дело 444-Г из туалета, избавив от гнева Товарища Учётчика и нудной работы по восстановлению материалов. Которая улыбнулась уголком губ — быстро, так, что он почти пропустил.

Он никогда не умел говорить о таких вещах. Но когда она смотрела на него своими серыми глазами с тёмными кругами, ему хотелось забыть, кто он есть. Хотя бы на минуту.

Алина — там, в своей хрущёвке, с тремя детьми за закрытой дверью и чашкой мятного чая на столе. Алина в шикарной водолазке из прежней жизни и вытертых лосинах, которая сказала: «Забирайте. Голос, всё забирайте», — и смотрела не с ненавистью, а с усталостью, которая бывает у людей, переживших слишком многое.

Он должен забрать её голос на этой неделе. Потому что таков порядок, а порядок чтят и на небе, и в преисподней.

Сергей остановился у светофора. Красный свет горел слишком долго, как будто специально дразнил. Рядом стояла женщина с коляской, внутри сопел ребёнок. Сергей отвёл глаза.

Ольга. Елена. Алина. Три женщины, за которых он оказался в ответе.

Ольга — потому что он её брат.

Елена — потому что он её... кто? Коллега? Союзник? Че-

ловек, чью руку он бережно держал и боялся дышать?

Алина — потому что он подписал ей приговор.

Он перешёл дорогу на жёлтый. Сзади кто-то засигналил, но он не обернулся.

Ольга не должна узнать правду. Елена не должна пострадать из-за него.

Алина не должна потерять голос. Но потеряет. Потому что он — полевая единица Седов Сергей, и у него нет выбора.

Или есть?

Сергей остановился у своего подъезда. Он не пошёл домой, а сел на скамейку под фонарём, достал телефон и написал Елене: «Ты как?»

Ответ пришёл через минуту: «Нормально. В архиве. Копаюсь. Учётчик выкатил список из 666 дел».

Он хотел написать: «Будь осторожна. Архас знает про нас», - но не стал. Потому что Лена и так знает. Потому что не хотел лишний раз её пугать. Потому что боялся, что она перестанет отвечать.

Сергей поднялся, вошёл в подъезд, поднялся на свой этаж. Достал ключи.

Дверь открылась с привычным скрипом. Запах свежеприготовленной еды и тишина.

- Серёжа? — крикнула Ольга из кухни. — Ты?

- Я, — ответил он, вешая куртку на крючок.

- Проходи, я суп разогрела.

Он прошёл на кухню. Ольга сидела за столом, обхватив

кружку с чаем руками. На ней был старый свитер — тот самый, серый, с вытянутыми рукавами. Волосы рассыпались по плечам. Под глазами — тени, но меньше, чем раньше.

- Ты какой-то бледный, — сказала она. — Опять на работе перерабатываешь?

- Ага, — соврал Сергей, садясь напротив. - Это же хорошо, Оль. Много работы - много денег.

- Ешь.

Он взял ложку. Суп был горячий, наваристый — Ольга всегда хорошо готовила, даже когда болела.

- Серёж, — сказала она после паузы.

- Ммм? - отозвался он с полным ртом.

- Ты бы женился, что ли.

Сергей поперхнулся.

- Чего?

- Женился. Тебе тридцать два. Работа у тебя есть. Квартира — тоже. Пора уже.

- Оль...

- Я серьёзно, — она отставила кружку. — Не могу же я вечно быть твоей женщиной. Я поправлюсь и начну устраивать свою жизнь.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, краешком губ, которая делала её похожей на маму.

Сергей посмотрел на неё и подумал: «Если бы ты знала, Оль. Если бы ты знала».

- Есть одна, — сказал он вдруг.

Ольга замерла.

- Да? — переспросила она, снова улыбнувшись. — Серьёзно?

- Серьёзно.

- Кто? Где? Как зовут?

- Елена. Работает со мной. В архиве.

- Архив — это где?

- В Бюро, — соврал он легко, почти не поморщившись. — Наша юридическая контора.

- И что за девушка?

Сергей помолчал.

- Хорошая, — сказал он, наконец. — Сильная. У неё тоже... была непростая жизнь.

Ольга смотрела на него внимательно, по-своему — как смотрела тогда в парке, когда проверяла его руки.

- Ты её любишь? — спросила она.

Сергей не ответил.

- Ты её любишь, — повторила Ольга, уже не спрашивая. — Я по глазам вижу. Вот и женись. Не заставляй её ждать, гадать, не спать ночами, это унижительно для девушки.

- Ешь суп, — сказал Сергей. — Сваха Ханума. Холодный уже.

Он смотрел на сестру и думал: «Спасу тебя. Спасу Елену. Спасу Алину. Или умру, пытаюсь спасти».

Гудение телефона проникло в сон воем бомбардировщи-

ков. Сергей буквально подлетел на кровати, зажимая двумя руками рот, чтобы криком не разбудить Ольгу.

Срочное исполнение?!

Звонок оборвался. На экране через долю секунды высветилось сообщение: «Выходи во двор. Срочно. Е.»

Любовное свидание? Или Архас сделал какой-то ход?

Он вскочил, натянул джинсы, схватил куртку. Ольга спала в соседней комнате — дыхание ровное, спокойное. Он прошептал: «Вернусь скоро», — и вышел, стараясь не хлопать дверью.

Во дворе было темно и холодно. Фонари мигали — те же самые, что и днём, только ночью их свет казался болезненно-жёлтым. Скамейка, на которой они часто летом сидели с Ольгой, пустовала.

- Лена? — позвал Сергей.

Тишина. Только ветер шуршал листьями.

- Елена!

Из-за угла дома вышел человек. Но не Елена - совсем молодой мужчина, незнакомец. Светлые волосы, синие глаза, под бежевой курткой — простая белая рубашка. Глаза юноши горели не энтузиазмом — тревогой.

- Ты кто? — Сергей напрягся. — А где Елена? Аааа... У неё есть кто-то. Ты ревнуешь и пришёл разбираться... Следил за мной?

- Моё имя Мариэль. Елены здесь нет, — сказал Мариэль, подходя ближе. — Звонил я.

- Но номер её...

- Потому что иначе ты бы не вышел. Я - ангел, хоть и начинающий. Могу позвонить тебе сейчас номера с Римского Папы или Патриарха. Это не проблема.

- Чего тебе надо?

Мариэль остановился в двух шагах. Посмотрел Сергею в глаза.

- Ты хочешь спасти троих, — сказал он. — Ольгу, Алину. Елену. Я знаю. Знаю, что ты готов отдать за это жизнь. Я пришёл сказать: давай работать вместе. Я - ангел-стажёр (Мариэль демонстративно расправил крылья) отдела оспаривания. Мы занимаемся делами тех, кто продал душу, как ты. Иногда получается спасти пару горемык. Таков небесный строй и порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.